

Серия «История»
2011. № 1 (1). С. 205–218
Онлайн-доступ к журналу:
<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ
*Иркутского
государственного
университета*

УДК 378(С18)+902.7
ББК 74.58(2Р54)+63.5

Педагог и воспитатель

Л. Я. Подольская

*Иркутский юридический институт (филиал) Российской правовой академии
Министерства юстиции РФ, г. Иркутск*

Работа посвящена памяти иркутского историка С. Ф. Ковалья, его педагогической деятельности на историческом факультете ИГУ в 1950–60-е гг., его роли в организации и проведении историко-этнографических экспедиций, влиянию на формирование личности автора статьи.

Ключевые слова: С. Ф. Коваль, воспоминания, исторический факультет Иркутского университета, историко-этнографическая экспедиция.

Первый раз я услышала это имя, как только пришла на занятия в университет после колхоза. Мы толпились возле 72-й аудитории, которая была помещением для кафедр истории СССР и всеобщей истории и единственным помещением исторического отделения историко-филологического факультета Иркутского университета им. А. А. Жданова. Весь университет тогда располагался в одном здании бывшего института благородных девиц. К нам подошли старшекурсники, некоторых мы знали по колхозу, но большинство были с третьего-пятого курса. Они устраивали «смотрины» первокурсникам и рассказывали разные страшилки. Нам говорили, что сладкой жизни не следует ожидать, и вот тогда прозвучала незнакомая фамилия Коваль. Старшекурсники переглянулись и поведали, что до второго курса можно быть относительно спокойными, а вот потом «Железный Коваль» нам покажет, что значит быть историками. Имя и прозвище были услышаны, запомнены, но до второго курса было еще далеко. Студенческая жизнь закипела. Начались интересные и не очень занятия, объединенные лекции в «семидесятке» (так мы называли самую большую лекционную аудиторию, а по праздникам концертный и танцевальный зал), первые походы в «Фундочку», участие сразу в трех кружках художественной самодеятельности, да еще вечера каждую субботу. О занятиях всерьез как-то не думалось. По молодости лет я верила студенческой песенке, о том, что «живут студенты весело от сессии до сессии, а сессия всего два раза в год». О том, что состоится комсомольское собрание отделения, я узнала случайно, и с большой неохотой, но, подчиняясь дисциплине, пошла на него. Как я и предполагала, на собрании царил скука. Докладывал отделенческий секретарь Миша Стафеев, второкурсник. Особых достижений у отчитывающихся не было, и вскоре унылый доклад завершился. Затем последовала пауза, председатель уговаривал выступать, народ отмал-

чивался. И вдруг что-то переменялось, зал насторожился, прокатилась какая-то волна, и на трибуне возник невысокий, хрупкий мужчина, высоким голосом, почти фальцетом он обратился к нам, скоро ли мы проснемся от массовой спячки. Я спросила у соседней кто это. На меня зашипели: «Молчи, это “Железный Коваль”». Говорил он убежденно, зло высмеивал наше благодушные, а о секретаре он сказал, что не может комсомольская жизнь быть полезной и интересной, если руководство доверили бюрократу. Мне было жалко сгорбившегося от разноса Стафеева. После Коваля желающих выступить было много, стало интересно и жарко.

Второй курс ознаменовался для нас серьезными изменениями, учебный процесс усложнился. С особым интересом мы ждали начала семинаров по истории декабристского движения и самого Коваля. Вспоминая его введение в семинар, я запомнила, что он сказал тогда: кратковременная история декабризма с момента зарождения организаций до событий на Сенатской площади и Украине – это мгновение, но более или менее изученное, а вот тридцать лет сибирской каторги и ссылки в отечественной историографии почти не исследованы. Он отметил большой вклад Б. Кубалова, подчеркнул, что попытка превратить этот труднейший этап жизни и деятельности декабристов в проблему краеведения ненаучна. Именно тогда он сформулировал задачу декабристоведения на многие десятилетия вперед. Полагаю, что именно в студенческом семинаре Семен Федорович оттачивал для самого себя проект создания научного совета «Декабристы в Сибири», который был реализован в 1975 г.

Суровый педагог предложил нам для освоения длиннющий список литературы и темы для докладов и обсуждений. Многих поверг в ужас объем предлагаемой работы, надежды на легкое получение зачета улетучились окончательно после обсуждения первых представленных докладов, в которых рассматривались исторические предпосылки движения, особенности создания декабристских тайных обществ, методов борьбы. Мы долго и горячо обсуждали, чем отличаются революция, заговор, восстание, возможны ли были иные пути выхода из складывающегося политического кризиса. К счастью, я сразу оценила ничтожность знаний моих по этим проблемам и приступила к штурму предложенного списка. У меня сохранились четыре общих тетради в клеточку, это конспекты работ, предложенных к изучению. Однажды Семен Федорович предложил показать свои рабочие тетради, моим комплектом он был удивлен, даже сказал, что отмечает мое неожиданное трудолюбие (я не производила впечатления серьезной студентки, возможно, после этого он стал ко мне более внимателен), но с присущей ему иронией заметил, что я сильно перестаралась. Было слегка обидно, но иногда я и сейчас пользуюсь конспектами второкурсницы как справочным материалом.

Он и сам, будучи студентом, предъявлял себе те же требования. Уже много позже об этом мне рассказывал его друг, тоже историк, Герман Александрович Вендрих. Было впечатление, говорил он, что Семен глотает в читальном зале огромные фолианты. Быстрота, с которой он читал, удивляла других студентов. Казалось, что он лишь просматривал их, но потом Вендрих

познакомился с тетрадями – выписками трудов историков, которые вел студент Коваль. Мелким каллиграфическим почерком он исписывал тетради, которые были сшиты из отдельных листов, ведь с бумагой было плохо. Иногда это были амбарные книги. Я видела несколько таких тетрадей – конспектов, они были исписаны бисерным, но легко читаемым почерком, чаще всего химическим карандашом, потому что с чернилами тоже было трудно. У конспектов всегда были поля, на которых он записывал возникшие по поводу прочитанного вопросы. Часто записи носили полемический характер. Он подвергал сомнению признанные научные авторитеты. У него не было авторитетов. Автор должен был доказать фактами свою правоту, а значит убедить начинающего историка. Этому он учил и нас – своих студентов. Часто учил сурово, даже жестоко. Но тот, кто смог понять высоту задачи, которую ставил педагог, становился его верным учеником и последователем.

Герман Александрович Вендрих увлеченно рассказывал о тех горячих дискуссиях, которые разгорались на семинарах. Эти споры были поединками, спорщики засыпали друг друга фактами, анализом, а иногда дискуссия выливалась в ссору. Вендрих вспоминал, что ему несколько раз казалось, то Коваль вот-вот вызовет его к барьеру или бросится врукопашную. Такими же были потом и его собственные семинары.

Мне вспоминаются две горячие дискуссии на наших семинарах. Первая произошла на втором курсе. Мы обсуждали восстание на Сенатской площади и, конечно, С. П. Трубецкого, не выполнившего порученную ему роль и не явившегося к восставшим. С пылом молодости мы клеймили его в предательстве. Не менее горячо спорил, а скорее подбрасывал в огонь спора сухие дровишки руководитель семинара. Когда в общем шуме уже не все можно было понять, мы вскакивали, кричали друг на друга, доказательств было мало, просто их не было, больше было эмоций. И вдруг раздался твердый и уверенный голос Коваля. Он сказал: «Что вы понимаете под смелостью воина, идущего в бой выполнять приказ, и смелостью предводителя восстания, осознавшего, что оно обречено на поражение?» Мы, дети войны, этим замечанием были повергнуты в раздумья. Мне кажется, что многие из нас, школяров, впервые задумались, в нас пробуждался историк, который должен явления рассматривать всесторонне, а не как прокурор, готовый вынести обвинительный приговор, не вдаваясь в сложности дела.

Для собственного доклада я выбрала тему «Декабристы на каторге». Оказалось, нас несколько докладчиков, и мне пришлось выступать содокладчицей, пятой или шестой по счету. Все самое важное и интересное уже доложили, и я была в полной панике. Руководитель семинара предупредил, что повторяться нельзя, и предоставил мне слово. Я могла сообщить некоторые не названные докладчиками, но описанные Б. Кубаловым подробности пребывания первой партии каторжан на ближайших к Иркутску заводах. Я попробовала робко сказать, что на этом этапе был нарушен судебный приговор о каторжных работах, к которым были осуждены декабристы, и почему сибирская администрация делала некоторые послабления. Вновь закипела дискуссия, и самым ее горячим участником был сам Коваль. Подводя черту наших

дебатов, Семен Федорович сказал о том, что мы все, и он тоже, еще очень мало знаем. Суровый разбор докладов многих из нас не поверг в отчаяние, напротив, именно в этом семинаре сплотилось ядро нашей группы, окреп дух соревновательности и подлинной борьбы за знания. В нашей группе учились Л. Любимов, Л. Кутузова-Соколовская, Н. Грудинин, И. Акшевский, В. Троицкий, С. Оверайте, Н. Шевчук, Ж. Ермолаева, Э. Дубинина, А. Быкова, В. Яровой; большинство студентов учились с большим интересом. С. Ф. Коваль ценил нашу группу. На семинарах у нас было шумно, мы высказывали свое мнение, вступали в спор друг с другом и с самим Семеном Федоровичем, но его авторитет был непререкаем. Однажды в пылу дискуссии я так увлеклась, что вышла за рамки дозволенного, какое-то высказывание однокурсника привело меня в веселое расположение и я громко расхохоталась; к моей беде, именно в это время шум стих, и Коваль, возмущенный моим поведением, сказал: «Девушка, встаньте и постойте». Я поднялась и, как только услышала заключительную фразу, разрыдалась. «Садитесь, садитесь», – как-то испуганно произнес Семен Федорович. Мне, кажется, что мы впервые увидели и поняли, что Железный Коваль очень добрый человек, который хочет казаться суровым и жестким. Все последующие годы работы и общения с ним были этому доказательством. А у нас с Семеном Федоровичем навсегда установились очень теплые взаимоотношения. Правда, еще не раз он сурово отчитывал за погрешности в поведении, это всегда было по заслугам, но я знала, что воспитывает он только людей, чья судьба ему не безразлична, и что он верит в трудолюбие и способности своих студентов.

Вскоре подошла весенняя сессия, и среди однокурсников началась тихая паника, все боялись зачета у Ковалья. Старшекурсники рассказывали о том, какие каверзные вопросы он задает, как отправляет целую группу на поиск ответов. Рассказывали, что однажды он почти всю группу заставил искать ответ на вопрос, как называлась зачетная книжка у студентов в дореволюционной России, и как один эрудит спас всю группу, вспомнив название – матрикул. К радости некоторых из нас, Семен Федорович оценил трудолюбие в течение учебного года и поставил «автомат», среди этих счастливых была и я – на третьем курсе мы заслужили зачет без специальной сдачи. Ну а менее счастливым сокурсникам досталось. Несколько человек были отправлены в читальный зал для изучения работы В. И. Ленина «Гонители земства и аннибалы либерализма».

Семинары на третьем курсе были посвящены международным отношениям и войнам (Русско-японской и Первой мировой). Заниматься было очень интересно, мы много работали по поиску и анализу источников, новой исследовательской литературы. Поводом для одной горячей дискуссии стали русско-германские отношения 80–90-х гг. XIX в. Коваль во время обсуждения поставил перед нами задачу выбрать наиболее перспективную для России альтернативу: восстановление союза трех императоров или англо-франко-русский союз. Для нас такая задача была нова. Всем предыдущим опытом обучения мы не были готовы к поиску и обоснованию возможных путей развития. Эта дискуссия особенно запомнилась потому, что главными докладчи-

ками были Леня Любимов (Леонид Степанович Любимов – профессор журфака ИГУ) и я. Высоко оценив нашу подготовку, руководитель семинара попросил, чтобы мы передали ему список использованной литературы, и особо отметил, что мы сумели найти новые издания, некоторые из которых ему были неизвестны.

Занятие в этом семинаре дали нам очень многое, а мне пришлось проводить семинары вместо учителя, когда он уехал на стажировку в Ленинград. Из всех проблем, которые он предлагал слушателям, я могла более-менее сносно заниматься русско-японской войной и русско-германскими отношениями, учитывая студенческую подготовку и написание дипломного сочинения. По молодости я довольно смело за это взялась, хотя потом хватилась настоящего лиха. В этой группе обучались очень серьезные люди, среди них будущие кандидаты (Б. Ржепко, В. Андреев, Н. Струк) и доктора исторических наук (В. Яговкин, А. Бородин).

Следующая встреча произошла в музее, где Семен Федорович часто бывал и консультировал нас по декабристским проблемам, помогал в музейном отражении истории польской ссылки. Много раз мы обсуждали, как наиболее исторически точно и не только на плоскостном материале показать восстание на Кругобайкальской дороге, суд и расправу над восставшими. К большому сожалению, наши задумки так и не нашли отражения в музейной экспозиции. Помогал нам Семен Федорович и в возрождении традиции музейных научных конференций, сам выступал с докладами и активно участвовал в обсуждениях наших выступлений. Он продолжал учить нас требовательности в оценках научных сообщений, споры разгорались серьезные, комплиментарного завершения дискуссий он не поощрял, но всегда умел найти то, что было хоть небольшим, но достижением докладчика. Даже после серьезного разноса не возникало желания бросить все попытки заниматься поисками, хотелось доказать, что можешь, способен на большее. Принимал он активное участие и в краеведческом университете и как лектор и как посетитель, которого заинтересовала тема, предлагаемая для обсуждения. И вновь, когда уходили посетители, продолжалось обсуждение затронутой на занятии темы, часто разговор переключался на новые книги, обсуждались спорные вопросы сибиричества.

Новая, качественно отличавшаяся от прежних, встреча состоялась на кафедре истории СССР, когда я поступила в аспирантуру к профессору Федору Александровичу Кудрявцеву. Однажды Ф. А. Кудрявцев зашел в музей и предложил мне поступать в аспирантуру; он добавил, что это не только его предложение, но и Семена Федоровича. Я с большим волнением приняла это предложение, меня поддержали и работники музея, и дома. Нас было два человека на одно место. Мой соперник был значительно старше, он достаточно долго преподавал историю в школе Усть-Ордынского округа, да еще историю КПСС сдал на «отлично», а я только на «хорошо». Экзамен по истории СССР был решающим, английского языка я не боялась, так как одновременно училась на вечернем отделении ИГУ. Семен Федорович не входил в приемную комиссию, но почему-то сидел в уголке и что-то сосредоточенно читал, со-

вершенно не обращая внимания на происходящее. Первым отвечал мой соперник, от волнения я совсем ничего не слышала из его ответа. Комиссии пришлось несколько раз назвать мою фамилию, пока я поняла, что пора отвечать. И в это мгновение я увидела, что Семен Федорович улыбается, и все страхи мгновенно улетучились, я стала уверенно отвечать. После того как объявили оценки и стало ясно, что я победила, меня попросили задержаться на кафедре, и через несколько минут мы с учителями пили чай с тортом, заботливо принесенным Семеном Федоровичем. Началась жизнь аспирантская, и Коваль всегда интересовался успехами и неудачами, поругивал за слишком активную общественную деятельность. Самым памятным является наш разговор об обнаружении в архиве дневников и бумаг В. И. Вагина, которые считались безвозвратно утраченными. В это время Коваль работал над разделом об общественно-политическом движении для пятитомной истории Сибири. В этот раздел он включил несколько цитат из дневника Вагина, которые были впервые введены в научный оборот. На протяжении многих лет я продолжаю изучать жизнь и творчество сибирского исследователя и публициста и почти в каждом архивном деле нахожу роспись Коваля, скрупулезно изучавшего наследие Вагина, причем это относится к работе не только над дневником, рукописями статей, письмами, но и такими документами, как безымянные записки, приглашения на домашний обед. Незначительных документов нет, есть недобросовестный исследователь, способный пропустить существенное, не обнаружить начало нити, которое ведет к главному. Так учил и всегда делал сам Семен Федорович.

Примерно в апреле–мае 1963 г. С. Ф. Коваль заговорил о том, что он готовится к историко-этнографической экспедиции и ищет в ее состав добровольцев. Аспиранты все твердили, что завершают работы и им некогда, тогда решила поехать я. Меня привлекали две особенности этой экспедиции. Первая – руководитель, которого все еще очень боялась, и вторая – экспедиция начиналась с обследования села Тайтурка, откуда родом была мамина мама, и где все еще проживало много нашей родни. Сборы в экспедицию были веселыми и очень хлопотными. Завхоз нашей экспедиции, тогда студент третьего курса, Борис Ржепко и я много суетились, но мало что у нас получалось, особенно с закупкой продуктов. Наконец, нашу беспомощность разглядели археологи и подсказали, куда и зачем обращаться, отдали нам две палатки. Ну вот, все сборы позади. Кроме нас с Борисом в экспедицию поехали две студентки четвертого курса – Тамара Чупина и Галя Кулебякина. Выехали мы в первых числах июля. Семен Федорович, который ехал в экспедицию в свой отпуск, еще задерживался на работе, поэтому отправились мы на электричке Иркутск – Черемхово до станции Белая вчетвером. В Тайтурке мы быстро договорились с администрацией поселка и о жилье, и об условиях нашей работы. В наше распоряжение отдали школьный интернат. Мы там навели порядок. На окна повесили шторы. Установили кровати. Были даже половички на полу, а стол застлан скатертью. Нарвали полевых цветов и стали ожидать похвалы начальника экспедиции. Ожидая его приезда, время зря не теряли и занялись изучением истории села, выявлением его старожилов. К

экспедиции подключились мои молодые родственники, и дело закипело. Мы проработали уже дня четыре и полагали, что почти все возможное мы выяснили. Нам удалось записать воспоминания партизан гражданской войны, участников раскулачивания и первых коммунаров. В поселке было много ветеранов войны, и они охотно делились своими воспоминаниями. Когда мы уходили на задания, то один из нас оставался на хозяйстве, наводил порядок, готовил еду и обрабатывал ранее сделанные записи. И вдруг я вижу нашего дневального, причем довольно расстроенного. Подхожу к нему и слышу, что приехал Коваль и очень недоволен тем, как мы разместились. Поспешила закончить беседу с жителем села и быстро отправилась на нашу базу, недоумевая о причинах недовольства начальника. Встретил меня Семен Федорович сурово и сразу начал распекать за то, что условия проживания излишне домашние, они не располагают к серьезной работе. Мне было обидно, но я не стала спорить, а начала рассказывать и показывать, что мы сделали в его отсутствие. Постепенно Железный Коваль оттаял, он остался доволен тем, как мы поработали без него. Потом был ужин, и мы получили такое обилие сладостей, которыми суровый начальник всегда баловал своих учеников и помощников. За столом мы постепенно разговорились, смущение прошло, и этот вечер запомнился своей задушевностью и пониманием. С утра мы пошли по намеченным адресам, а Семен Федорович решал экспедиционные проблемы с поселковым начальством.

Подошла суббота, и наши девчата заговорили о том, что неплохо бы сходить на танцы. Неожиданно наш начальник сурово сказал, что мы приехали для серьезной работы, что для танцулек найдем время в городе. Девчата надулись и все поглядывали в мою сторону, намекая, что я должна уговорить начальство. Я долго не решалась, но вдруг созрел план, и я, не раздумывая, стала объяснять шефу, что в задачу экспедиции входит изучение не только архаики, но и современности, с этой точки зрения посмотреть и зафиксировать досуг сельской молодежи для науки необходимо. Довольно долго в этом ключе я разглагольствовала, и вдруг увидела, что глаза Семена Федоровича искрятся смехом. Он санкционировал наш поход, но рекомендовал одеться скромнее и не демонстрировать модные танцы. Он строго напомнил, что главная наша задача – наблюдение.

Вечером мы отправились на танцплощадку, из громкоговорителя гремела музыка, это были модные в то время песни советских композиторов. Мужская половина выглядела не очень привлекательно, было ощущение, что они пришли прямо с работы, только на некоторых были свежие рубашки, многие слегка пьяны, явно не умели и не хотели танцевать и терлись возле изгороди. Девчат было большинство, они принарядились изо всех сил. Был яркий, самодельный макияж и мини-платья с большими декольте. Все это девчонки соорудили из своих старых платьишек, полагая, что теперь они одеты модно. Выглядело это плохо. Девчата, как правило, работавшие на лесозаводе, были крепенькими, в Сибири таких называют «оржанушками», и в мини и декольте они смотрелись забавно. Кавалеров было мало и девчата самозабвенно «выкалачивали» чарльстон. Моя деревенская тетка Феклуша об этом времяпре-

провожении говорила так: «Девки чарльстонят и чарльстонят, всю землю у ворот в ямы выбили». Танцы слегка оживились, когда прибыла группа офицеров из ближайшей воинской части, но и они были в легком подпитии, да и заинтересовались сразу женским составом экспедиции. Чтобы не осложнять ситуацию, мы прервали этнографические наблюдения и поспешили на базу. Вскипятили чаек, и полились душевные разговоры, далеко за полночь мы угомонились. Утром, разделившись на две группы, мы продолжили работу. Когда завершили опрос, занялись оформлением рабочих дневников и записей. Наш научный руководитель проверил тетради всех членов экспедиции, сделал ряд замечаний, но в целом остался доволен. После ужина мы занялись подготовкой к переезду, по плану мы должны были обследовать деревню Холмушино. Утром мы погрузили наш скарб на телегу. Экспедиция тронулась в путь, а я на железнодорожную станцию, у меня были дела в городе. Вернулась я дня через два и обнаружила, что экспедиция живет в сарае в школьном дворе. Директор школы на мой недоуменный вопрос, почему экспедицию разместили в сарае, сказал, что и сам понять не может, что он предлагал в распоряжение всю школу, что она после ремонта и в хорошем состоянии, но, осмотрев здание и другие постройки, начальник выбрал сараюшку и даже отказался, чтобы привезли соломы. Получив ключ от сарая, я отправилась на базу. Сарай был сколочен из горбыля, и таким же нетесаным горбылем покрыт пол. На полу были расстелены палатки, в изголовьях стояли рюкзаки и свернутые одеяла. Был и еще в сарае грубо сколоченный стол, лавка и несколько колченогих табуретов. Продукты были аккуратно сложены в углу, и на кирпичках была установлена древняя электроплитка. Осмотрев спартанские условия жизни, и понимая, что товарищи вернутся поздно и зверски голодными, я принялась за изготовление ужина-обеда, как теперь говорят, два в одном. Время пролетело за бытовыми хлопотами незаметно. Пол был чисто выметен, в рукомоинике полно воды, а кастрюля с супом-кашей была укутана в случайно обнаруженный тулуп. И вот послышался строгий голос Коваля: «Борис, обеспечь умывание», и почти без перерыва: «Кто уходил последним, почему дверь не заперта?». Послышались какие-то невразумительные уверения, что дверь была замкнута, и даже ключ лежит в надежном месте. И вот в проеме двери появляется разгневанный начальник экспедиции. Увидев меня, он проворчал приветствие и какое-то замечание насчет того, что не могу обойтись без фокусов. На этом программа поддержания строгого порядка была, видимо, полностью выполнена, и он вновь стал добрым, веселым, а когда узнал, что и еда готова, стал совсем домашним. Мы дружно набросились на еду и городские сладости, что я привезла, а потом пошли рассказы о том, что узнали, с какими интересными людьми повстречались. Решили, что в ближайшие дни мы посвятим выяснению подробностей о коммуне братьев Егоровых, которую создали два зажиточных холмушинских брата. В коммуну принимали всех желающих, но больше всего в нее пришло бедняков. Особенностью этого объединения стал принцип добровольности и обобществления имущества. Но главным стал общий труд. В отличие от возникавших в то время коммун, которые продали общее имущество и разбежались, сибиряки

занялись хлебопашеством, скотоводством, у них была своя пасека. Они торговали излишками, открыли свою школу, для которой приобрели пианино. Мы встречались с повзрослевшими детьми коммунаров, и они рассказывали удивительные подробности о жизни в коммуне. Нам рассказали о том, как жили дети-коммунары, о том, как создавали пионерский отряд и комсомольскую ячейку, как они устраивали концерты, о спектаклях, на которые собирались взрослые из ближайших деревень. Они рассказывали о школе, праздниках. Дети много трудились вместе со взрослыми и с гордостью рассказывали про первый трактор и хорошие урожаи, которые собирали коммунары. Воспоминание о казни братьев Егоровых хранили в памяти как ветераны коммунары, так и современники, проживавшие в селе во время работы нашей экспедиции. Бывшие коммунары с гордостью вспоминали об успехах коммуны, а затем сельскохозяйственной артели, сетовали, что в последние годы, после очередного укрупнения, колхоз развиваться перестал. Мы прошли по всем памятным местам бывшей коммуны и постарались записать наблюдения в наши экспедиционные тетради. По этим материалам Тамара Чупина сделала интересный доклад на научной студенческой конференции. Наша работа в Холмушино заканчивалась. Впереди было село Узкий Луг, нужно было договориться о переезде и месте жительства. Я решила, что повторять опыт проживания в сарае не следует, и договорилась, чтобы нам дали лошадь для перевозки нашего скарба, причем выделили транспорт бесплатно. Когда об этом узнал Семен Федорович, то его возмущение трудно описать. Он потребовал, чтобы ему вернули его рюкзак, правда, мы успели наиболее тяжелое из него извлечь. Шеф сообщил, что он пойдет пешком, а свой рюкзак он никому не доверит. Вслед за ним неохотно потянул рюкзак с телеги Боря Ржепко. После этого девичий состав экспедиции отправился в путь, лошаденка оказалась довольно резвой, дорога была не слишком тряской. Постепенно мы успокоились после прощания, разговорились с возницей, получили от него много полезных сведений и решили вопрос о нашем размещении. Возница подвез нас к зданию школы, срубленной из лиственницы, с большими светлыми окнами, просторными квадратными классами. Нам очень понравилось на новом месте. Почти сразу же возник директор школы, который принял нас радушно и предложил выбрать для жилья любое удобное помещение. Мы быстро начали устраиваться, успели приготовить обед, когда появились наши замученные ходоки. Увидев, где мы расположились, Коваль был возмущен. Правда, я не решилась добыть солому и устлала место для сна палаткой, застелила одеялами, а в изголовье поставила рюкзаки. Гнев готов был обрушиться на мою голову, но вдруг нашего Семена Федоровича схватил в объятия директор школы. Оказалось, что он и его жена учились вместе с Семеном Федоровичем в Боханском педучилище. В первом обеде мы принимали все участие, а потом мы впервые работали совершенно самостоятельно, начальник приходил поздно ночью, строго спрашивал, как идут дела, и удовлетворялся сообщением, что дела идут хорошо. Утром он отправлялся на рыбалку, а мы продолжали свои исследования. Потом вдруг зарядили дожди, к этому времени мы сделали все, что было возможно, и готовились к переезду в Хай-

ту. Нужно было на пароме переправиться через реку Белую, которая вздыбилась; в таких условиях паром не мог сплавляться, Пришлось переждать дождь. Активной работы не было. Занялись обработкой собранных материалов, но она шла вяло, девчонки отсыпались за сессию и экспедицию. Семен Федорович был нами часто недоволен. Время тянулось тягостно. По несколько раз в день я ходила на пристань, чтобы в очередной раз убедиться, что переплавиться нельзя. Однажды, поговорив с паромщиком, я решила не ходить на базу, нашла относительно сухое бревно и решила посидеть под мелким дождиком, принуждать к работе разленившихся сотрудников желания не было, захотелось полного уединения. Дождик временно прекратился, и я наслаждалась одиночеством. Вдруг меня окатило брызгами, я решила, что кто-то из экспедишников решил пошутить надо мной. Оглядевшись, я никого не увидела. И тут вновь меня окатило водой с головы до ног. Я поняла, что шалют со стороны реки; осмотрев окрестности, я увидела, что на самой вершине высокой лесистой горы навис над рекой медведь, он бросает камни и наблюдает за их полетом. Это было так интересно, что я забыла о времени. Медведь все бросал камни, наверное, он припас их заранее. Некоторые камни не долетали до воды, а другие достигали середины, два раза камни долетели почти до нашего берега и окатили меня. Больше таких удач у метальщика не было. Вдруг снова полил дождь, медведь убрался восвояси, побежала на базу и я. Меня уже ждали и волновались, я была мокрехонькой, и это спасло меня от жестокого разноса. Когда сели ужинать, Семен Федорович подал мне стакан горячего сладкого чая с водкой и сурово велел выпить. Это не было вкусно, но суровый начальник отдал приказ, и я его выполнила. Потом девчонки рассказывали, что я долго и громко смеялась, пока начальник не приказал всем ложиться спать. Утром он заботливо спрашивал, как я себя чувствую, пьяница. Наконец, дождь кончился, и мы отправились в Мишелевку, где расположен старейший Хайтинский фарфоровый завод.

Жить мы устроились в подсобном помещении средней школы. В домике жила то ли комендант, то ли сторож-уборщица, под ее началом поселились и мы. За ужином выяснилось, что она внучка польского ссыльного, который был участником восстания 1864 г., что он был сапожником и продолжал это занятие и на поселении. Наша собеседница рассказала, что раньше в поселке жило много потомков повстанцев, что потом, кто умер, а кто уехал. На кладбище сохранились их могилы, она в меру сил ухаживает за ними. К сожалению, больше свидетельств о живых потомках нам не удалось выявить. Польский участок кладбища мы сфотографировали. Основное внимание мы сосредоточили на изучении истории фабрики, ознакомились с производственным циклом, начали встречаться с ветеранами. Тогда жил в поселке племянник мастера Кислова – творца прекрасного дореволюционного фарфора Хайты, с уходом которого секрет ремесла оставался нераскрытым. Мы отыскали дом, в котором жил потомок мастера, двор утопал в цветах, но хозяин был непреклонен, он отказался разговаривать, с нами и мы ушли. При встречах со старыми рабочими мы установили, что они уже встречались с человеком, который «собирал историю»; они не только рассказывали, но и отдавали ему

свои документы, старые фотографии, он обещал возвратить, но ничего не вернул. После набега такого «исследователя» работать было трудно, медленно мы добивались доверия, чтобы собрать интересный материал.

Мы работали в соседних деревнях Лохово, Нижний и Верхний Булай. Вспоминается поход в небольшое поселение Верхний Булай. От информаторов мы знали, что в селе живет «бандитская жена» одного из кровавых бандитов Федора Клочкова, свирепствовавшего в 20-е гг. в этом регионе. Мы переплыли на лодке реку Белую и пошли в село. Вскоре мы увидели женщину, набиравшую воду из колодца. Мы подошли, поздоровались, и кто-то спросил у нее, знает ли она, где живет жена Клочкова. Женщина ничего не ответила, подхватила на коромысла ведра и молча пошла в гору. Мы замерли на месте, а потом увидели белое, как лист бумаги, лицо Коваля. Какое-то время мы все молчали, а потом наш учитель спросил нас, поняли ли мы, что сделали, готовы ли поправить содеянное. Суровый урок был усвоен. Тяжелым было наше свидание с участницей трагических событий Гражданской войны; постепенно женщина оттаяла и рассказала нам свою трагическую историю. Пятнадцатилетнюю красавицу увидел Клочков и заявил, что вечером сыграет свадьбу, слезы матери и невесты он не хотел замечать. Вечером он сам объявил ее женой, потом были попойка и надругательства. Утром банда отправилась в новый путь, увозя с собой и ее. Возил он ее с собой несколько недель, издевался, а потом заявил, что она ему надоела, и бросил ее одну на лесной дороге. Несколько дней она добиралась до дома, тяжело болела, а когда вновь ожила, то в полной мере испила позор. Односельчане судачили о ней, рассказывали всякие небылицы. Она рассказывала, что рада была одному – не завелся ребеночек, видно, бил он ее сильно. Так и осталась она бездетной. Не оставляла ее в покое и новая власть, несколько раз допрашивали. А еще ей пришлось участвовать в опознании главаря бандитов, когда он был застрелен при задержании. Прошли десятилетия, а женщина все еще расплачивается за совершенное бандитом над ней насилие, ведь и мы пришли к ней не как к жертве. В этот вечер не было песен и смеха на нашей базе. Каждый молча переживал эту историю. Семен Федорович прервал общее молчание одной фразой: «Вот что такое Гражданская война» и замолчал надолго.

Закончив опросы в Мишелевке, мы готовились к походу в село Бельск. Нас влекло туда два исторических события: пройти по местам первопроходцев, основавших Бельский острог, и побывать на месте ссылки декабриста П. Громницкого. Когда мы, пройдя несколько километров по чудесному лесу, вышли к излучине реки Белой, то увидели привольно раскинувшееся большое, красивое село. День был удивительно яркий, мы заворожено смотрели на открывшуюся красоту, и кто-то сказал, что в такой ссылке он готов бы был провести всю жизнь. В ответ мы услышали: «Представьте, что вы живете в этой красоте под постоянным и бдительным надзором, что нет ни библиотеки, ни газет, что образованных или просто грамотных людей практически нет, что нищенское содержание получаешь из казны, что даже в соседний лес можно пойти только после разрешения, а обратиться к врачу могут не разрешить съездить вообще. Вспомните, что вы еще сравнительно молоды, полны

силы и знаний, которые применить нельзя. Ну, кто из вас готов жить в такой красоте и на таких условиях?» – глаза Ковалюшки смотрели на нас, и он ждал ответа, но мы молчали. В Бельске мы излазили острожную башню и запущенную, медленно умирающую красавицу-церковь. Потом пошли к дому Громницкого; с улицы он смотрелся поветшавшим, но все еще добротным красавцем. Но вот мы вошли во двор и увидели, что от пятистенка остались одна горница и сени. Во дворе мы увидели поленницу, но некоторые поленья были со следами масляной краски. Нынешний хозяин дома, пьяньский старик, сказал, что негодную часть строения разобрал, часть уже истопил, а это то, что осталось, дрова-то дорого стоят... Мы вошли в дом, нищета и убогость кричали из всех углов, но сохранились еще росписи маслом у окон, на потолке, на двери портрет мужчины в украинской рубашке и свитке. Мы все единодушно высказали предположение, что это портрет М. Лунина. Потом хозяин показал еще одну снятую с петель лиственничную дверь, на которой был плохо сохранившийся женский портрет (ныне – в Музее декабристов). Гибель мемориального памятника была близка, и Семен Федорович принял единственно правильное в тех условиях решение – вывоз двух дверей со следами живописи и фотографирование оставшихся росписей. Мы все сфотографировали, но располагали аппаратом ФЭД без вспышки, освещение в доме было плохое, и фотографии получились плохие. Семен Федорович с огромным трудом добился, чтобы в избу были поставлены новые двери и хозяину привезли машину дров. Уверена, что наш руководитель помог материально хозяину дома из собственных, не очень больших, средств старшего преподавателя. Когда все организационные мероприятия были закончены, очень остро встал вопрос о том, как доставить экспонаты в Мишелевку. Мы предложили вновь обратиться к сельским властям, но встретили такую гневную отповедь, что замолчали. Мне, как бывшему музейщику, было поручено упаковать портреты и подготовить их к переноске. Были изготовлены два планшета, их обернули мешковиной, которую отдала нам одна деревенская жительница, из веревок сделали лямки. Подготовленные к переноске экспонаты надели на спины Семена Федоровича и Бориса Ржепко. Спустя годы в адрес Семена Федоровича посыпались несправедливые обвинения в том, что он разрушил памятник. Я свидетельствую, что если бы это не было сделано в тот год, то в печке сгорели бы и остатки дома декабриста. Ведь прошло больше десяти лет, прежде чем общественность вспомнила о разрушающемся домике Громницкого.

Бельской эпопеей завершилась наша первая экспедиция под руководством Семена Федоровича, зимой мы завершали обработку материалов, докладывали результаты на научных конференциях.

На следующий год мы решили провести обследование в Черемховском районе. Мы начали работу в с. Голуметь, затем были Верхняя и Нижняя Ирети и прилегавшие к ним заимки, Парфеново, Лохово, Верхний Булай, Мишелевка и, наконец, снова Бельск. Наша экспедиция численно выросла, теперь нас было двенадцать человек, да еще позже к нам приехали В. Андреев и А. Дулов. Работали все с настоящим энтузиазмом, люди относились к нам доб-

рожелательно, охотно рассказывали нам о своих судьбах и близких им людей. Очень ценные материалы были выявлены по истории сел, гражданской войны и сибирского партизанского движения, коллективизации и Великой Отечественной войны, бесценен материал об истории сельской интеллигенции. Сильное впечатление осталось от встречи с ветераном русско-японской войны. Могучий сибиряк, которому перевалило за восемьдесят, все еще красивый и статный, прекрасный рассказчик, живописал об участии в сражениях под Ляояном и Мукденом. Он с гордостью рассказывал о генерале Куропаткине, и в его рассказах он представлял храбрым и умным командиром, настоящим «отцом солдатам». Он припомнил песню, которую солдаты посвящали генералу, но сказал, что петь уже не может и потому «прокричит погурань». И прокричал: «Енерал наш Куропаткин сидит браво на коне, сидит браво, смотрит прямо, шашкой делат хорошо».

В этой экспедиции у нас, кроме большой работы, был и интересный досуг, мы часто устраивали костры, много пели и, конечно, разговаривали. Особенно запомнились вечера в палаточной стоянке под Бельском. Наши рыбаки приносили ведрами крохотных гольцов; девчонки, ворча и смеясь, чистили рыбешку на камешках, варили уху или жарили ее. Несмотря на позднее время и крохотные размеры рыбок, ужин был вкусным, заканчивался очень поздно, часто мы купались под луной, но особенно хороши эти летние вечера песнями. Запевалой был Саша Дулов, пели много старинных песен, наше «Славное море», «По диким степям Забайкалья», про Александровский централ, «Динь-бом, динь-бом, слышен звон кандальный» и много современных песен. Потом мы узнали, что наш слаженный хор выезжали на лодках слушать жители Бельска. Еще мы устраивали праздники, отмечали день рыбака (чествовали С. Ф. Коваля и Виктора Андреева), был у нас день моряка (Боря Ржепко был моряком-подводником). Самым большим праздником был День экспедиции, с богатой трапезой, концертом, костром, ночным заплывом и нескончаемыми разговорами. В эту экспедицию шеф сделал нам большой подарок – поездку на Усть-Белую в гости к археологам. Нас встретили очень радушно Герман Медведев, Миша Аксенов и Галя Зайцева. Эта поездка запомнилась на всю жизнь. Так закончилось второе экспедиционное лето. Нас ждал Иркутск, большая работа с собранными материалами, копирование фотографий, переданных нам во временное пользование. Однажды Семен Федорович обнаружил, что я задержала отправку фотографий, гнев его был страшен, он не желал слушать никаких объяснений, и даже выполненные обязательства долго мешали нашим добрым отношениям. Обработанные коллекции легли в основу архива формирующейся лаборатории истории и этнографии университета.

Так закончился двухлетний наш экспедиционный союз с Семеном Федоровичем. Спустя годы я вновь вернулась к экспедиционной деятельности, и Семен Федорович всегда с большим интересом расспрашивал о наших результатах. Одобрил он и наш единственный опыт экспедиции в Балаганский район, вылившийся в книгу «Туман яром» и видеofilm «Встречи с Матерой».

Вспоминая учебу и работу под руководством Семена Федоровича, не могу не сказать о том внимании, которое он проявлял к нашим шагам в профессии и науке. Он помогал в выборе темы исследования, советовал, на что обратить особое внимание, как работать в библиотеке и архиве. Не щадя собственного времени и здоровья, он читал и правил наши рукописи, выступал неофициальным оппонентом на наших защитах. Тогда, когда от трудностей, встречавшихся на пути каждого из нас, мы опускали руки и готовы были отказаться от предстоящей борьбы, именно Семен Федорович оказывался рядом, поддерживал или сокрушительно распекал. Интересно, что после таких «профилактических бесед», пережив еще и его сокрушительный, но справедливый разнос, выяснялось, что силы у тебя есть, мысли прояснились, и ты вновь готов продолжить и завершить начатое. Прошли десятилетия после окончания университета, но при каждой встрече он заинтересованно спрашивал: «Как идут дела, над чем работаем?» Сам Семен Федорович работал много, совсем не щадил себя. Он поставил точку в своих рукописях только за несколько дней до кончины. Уже после его ухода вышла в свет книга о петрашевцах, снабженная глубоким комментарием. Он был всегда требователен к себе и к нам. Как хорошо, что мы развивались рядом с умным, строгим, требовательным и любящим своих учеников ученым, педагогом, воспитателем!

Teacher and Educator

L. Ya. Podolskaya

*Irkutsk Law Institute(Branch) of Russian Law Academy of
Ministry of Justice of the Russian Federation, Irkutsk*

This work is dedicated to the memory of the Irkutsk historian S. F. Koval, his pedagogical activities at the Department of History in the 1950–60s, his role in organizing of historical and ethnographical expeditions, his influence on formation of the author's individuality.

Key words: S. F. Koval, recollections, the Department of History of the Irkutsk state University, historical and ethnographical expedition.

Подольская Лариса Яковлевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Иркутского юридического института (филиала) Российской правовой академии Министерства юстиции РФ, 664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, 8(3952)200561, e-mail: ibrla@inbox.ru

Podolskaya Larisa Yakovlevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of State and Law, Irkutsk Law Institute (branch) of the Russian Law Academy, the Ministry of Justice of the Russian Federation, 664011, Irkutsk, Nekrasov st., 4, 8(3952)200561, e-mail: ibrla@inbox.ru